

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

САМОСОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2020 г. А. В. Смирнов

Институт философии РАН, Москва, Россия

E-mail: asmirnov@iph.ras.ru

Поступила в редакцию 19.11.2019 г.

После доработки 02.02.2020 г.

Принята к публикации 04.02.2020 г.

История свидетельствует: успешные, долговременные цивилизационные проекты осуществлялись тогда, когда удавалось найти удачное сопряжение трёх уровней идентичности: местного (этноязыковая общность), регионального (группа родственных культур и языков, имеющая общие корни) и всемирного (человечество). Ключевую роль играет второй уровень, который обеспечивает органичное взаимное обогащение национальных (местных) культур и через который носители местной этноязыковой общности осознают свою причастность человечеству. Фактическая нерешённость вопроса о втором уровне идентичности для России со всей остротой ставит проблему несформированности устойчивого национального самосознания. Рассмотрены три варианта ответа на вопрос о втором уровне идентичности: славянский (Данилевский), европейский (Достоевский), Россия-Евразия (классическое евразийство). Автором доклада показано, что никакой из частных вариантов культурно-цивилизационной идентичности в современной России не может служить инвариантом всероссийской идентичности, что ставит вопрос о необходимости их собирания (а не приведения к единству) на основе разработанной в русской мысли категории “всечеловеческое”.

Ключевые слова: всечеловеческое, общечеловеческое, культура, цивилизация, Данилевский, Достоевский, классическое евразийство.

DOI: 10.31857/S0869587320030238

В XX веке наша страна пережила два гигантских катаклизма, две революции – 1917 и 1991 гг. В XX в. наша страна носила три разных названия. Три разных социально-экономических и политических строя соответствуют этим трём периодам. Оба потрясения, 1917 и 1991 гг., сопровождались войнами, внешними и внутренними, которые несли угрозу существованию страны.

Я назвал три уровня событий, которые видны на поверхности. Это – силовой, политический и

социально-экономический. Все они должны изучаться, и изучаются методами специальных наук.

Однако мой доклад будет посвящён другому уровню – культурно-цивилизационному. Именно на этом уровне происходят глубинные изменения, незаметные поверхностному взгляду и требующие особых, философских методов изучения. Это – именно те изменения, которые выливаются время от времени в мгновенные катастрофические события в общественной жизни. И именно этот уровень связан непосредственно с вопросом о самосознании нашего общества.

Этот вопрос, если выразить его простым языком, звучит так: зачем существует Россия на карте мира? Это во-первых. И во-вторых, на каком основании мы говорим о себе – “мы”? Что делает нас – “нами”, общностью, а не просто собранием индивидов, конгломератом отдельных личностей, народностей, этнокультурных образований?

Сегодняшний момент в жизни нашей страны – особый с двух точек зрения, внутренней и внешней. Прошлый век со всей ясностью показал не-

СМИРНОВ Андрей Вадимович – академик РАН, директор Института философии РАН.

решённость вопроса о культурно-цивилизационной принадлежности России. Но эта внутренняя неопределённость многократно усиливается внешними факторами.

Мы являемся свидетелями перекройки культурно-цивилизационной карты мира. Последние пять веков были эпохой безусловного культурного господства Европы. Однако это время близится к концу. Наиболее чуткие умы, поэты и философы Европы, выразили это умонастроение более ста лет назад. “Мы труп везём с собою в трюме” — так Генрик Ибсен в 1875 г. сравнил Европу с кораблём с мёртвой душой¹. В 1918 г. “Закат Европы” Освальда Шпенглера [2]² дал философское обоснование этого взгляда. В 2020 г. исполнится сто лет с момента выхода в свет книги нашего гениального соотечественника, филолога с мировым именем и основателя классического евразийства Николая Сергеевича Трубецкого “Европа и человечество”. В этой книге, незаслуженно замалчиваемой, в том числе и в отечественной науке, впервые был поставлен вопрос не просто о неоправданности, но о категорической недопустимости европоцентризма. Сегодня все говорят об “Ориентализме” Эдварда Саида, вышедшем в 1978 г. [4], забывая, что те же вопросы с гораздо более глубокой теоретической проработкой были поставлены более чем за полвека до него нашим соотечественником.

Так вот, то, на что указывали поэты и философы век назад, сегодня осознано и проговорено политиками. Не российскими — западными. Президент Франции Эммануэль Макрон заявил в августе 2019 г., что век гегемонии Запада подошёл к концу³. Громадные культурно-цивилизационные “материки” — Китай, Индия, исламский мир, — которые прежде с позиций европоцентризма высокомерно относили к “периферии” мирового развития, выходят на мировую арену в качестве полноценных игроков. Это — новые центры культурно-цивилизационного притяжения, каждый

¹ Заключительная строка стихотворения 1875 г. “Письмо в стихах”: “Боюсь, мы труп везем с собою в трюме!” [1, с. 589].

² Книга впервые опубликована на немецком в 1918 г.

³ «Эпоха доминирования стран Запада подходит к своему завершению из-за глобальных геополитических изменений, заявил президент Франции Эммануэль Макрон, выступая перед послами республики. Трансляция мероприятия велась на странице Елисейского дворца в твиттере. “Мы видим конец западной гегемонии в мире. Обстоятельства меняются”, — отметил французский лидер. По его словам, сегодня на мировой арене укрепляются “новые державы”. “Китай выдвинулся в первые ряды, а Россия добивается большего успеха в своей стратегии”, — подчеркнул Макрон” [5].

из которых опирается на собственный цивилизационный проект.

В этих условиях вопрос о культурно-цивилизационной недоопределённости России приобретает особую остроту. Прорубленное 300 лет назад “окно” в Европу, похоже, так и не превратилось в “открытую дверь”. Россия по-прежнему фактически рассматривается Европой как неевропейская держава. Тот же Макрон высказал мнение о том, что Европа должна предложить России некую “стратегическую опцию”, чтобы Россия не стала “младшим союзником Китая”. И дело не в этом высказывании, хотя оно достаточно показательно. Дело в том, что вопрос о культурно-цивилизационном самоопределении России решать надо *нам самим*, и решать его не эмоционально, не ссылаясь на некий “выбор” (которых в нашей истории можно насчитать немало, причём эти выборы не всегда совместимы друг с другом: православный, европейский, социалистический — а сегодня какой?) и не на основе признаков языкового или этнического родства, но с опорой на фундаментальные законы, проявившие себя в историческом развитии. Об этом я скажу несколько слов.

В самосознании общества ясно выделяются три уровня идентичности. Первый — низший, или локальный. Мы осознаём себя, используя этнические названия, называя себя по имени этноса или языка: французы, англичане, немцы, русские и т.д.

Мы также осознаём себя как принадлежащих человечеству. Это — третий, высший уровень самосознания общества. Но между первым и третьим, низшим и высшим обычно располагается промежуточный, второй уровень идентичности. Именно он обеспечивает культурно-цивилизационную устойчивость общества и его успешное развитие.

Что это за второй уровень? Здесь нет никакого секрета. Таким срединным уровнем идентичности служит, к примеру, европейский для входящих в европейский культурно-цивилизационный ареал народов. Словосочетания вроде “европейская история”, “европейская литература”, “европейская философия” и так далее не являются пустыми. Европейская идентичность — источник творческого обогащения и обмена. Без такого среднего уровня идентичности национальная культура европейских народов вырождается в провинциализм.

То же самое следует сказать о Китае, Индии и исламском мире, но я не буду на этом останавливаться за недостатком времени. Вывод понятен: *успешные и устойчивые цивилизационные проекты осуществлялись тогда, когда был удачно найден срединный, второй уровень идентичности*. Тогда самосознание общества выстраивается в органич-

ной связи и взаимозависимости всех трёх уровней идентичности. Три разных понимания “мы”: “мы” – этнос, “мы” – сверхэтническая общность и “мы” – человечество – увязаны друг с другом. Это служит залогом самопонимания и самоуважения общества, его мировоззренческого и этического здоровья, органичного целеполагания и в конечном счёте – уверенности в собственной судьбе и в своём будущем. Это органичное “мы” обеспечивает то, что Руссо назвал “общественным договором”, то есть пониманием необходимости и негласным согласием разных слоёв общества жертвовать частью своекорыстных интересов ради общего блага. Всёго этого катастрофически не хватает нам в сегодняшней России, где можно с полным основанием говорить о кризисе общественного самосознания.

В этой связи встаёт вопрос: что является – и является ли что-то – таким вторым, срединным уровнем идентичности для России?

Как представляется, этот вопрос не решён, во всяком случае – не решён как-то определённо. Можно выделить три ответа на него, которые давались отечественными мыслителями.

Николай Яковлевич Данилевский, предложивший в своей работе “Россия и Европа” [7]⁴ 1871 г. теорию культурно-исторических типов, говорил о славянском культурно-историческом типе как могущем возникнуть в будущем. Данилевский прекрасно понимал, насколько проблематично так называемое “славянское единство”, он не был славянофилом и считал славянофильство таким же заблуждением, как и западничество. Для него будущий славянский культурно-исторический тип был необходим как второй, срединный уровень идентичности. Вряд ли сегодня это решение, которое было проблематичным и для самого Данилевского, может рассматриваться как действительный проект.

Фёдор Михайлович Достоевский в своей знаменитой “Пушкинской речи”⁵ 1880 г. мечтал о том времени, когда в России будет преодолено взаимное непонимание и неприязнь между западниками и славянофилами. Тогда наступит время всеобщего, всечеловеческого братства, которое представлялось Достоевскому как укоренённое в христианстве. Тогда, писал он, “мы все обнимемся и запоём новую песнь” [9, с. 224]. Эти слова могут показаться наивными. Но давайте спросим себя: не такое ли ожидание всеобщего примирения с Европой, не ожидание ли “братских объятий” владело умами нашей интеллигенции в конце 1980-х–начале 1990-х? Разве не казалось тогда многим, что стоит лишь “сбросить”

коммунизм – и всё само собой наладится, Россия вернётся, как тогда любили говорить, “в семью цивилизованных народов”, и мы – прямо по Достоевскому – “запоём новую песнь” вместе с Европой? Жизнь показала утопичность этих ожиданий.

Третье решение было предложено в классическом евразийстве (1921–начало 1930-х гг., не включая Льва Николаевича Гумилёва). Срединным уровнем идентичности для России служит – она сама. Именно поэтому классические евразийцы использовали формулу Россия-Евразия. Они считали, что в ходе длительного исторического развития народы России выработали массу общих черт, они обогащали друг друга и друг у друга заимствовали не только политические и культурные черты, но и черты национального характера и даже языкового строя. Показательна работа Романа Осиповича Якобсона “О евразийском языковом союзе” 1931 г. [10].

В свете этого евразийская активность сегодняшней России приобретает особый смысл. Различные формы экономических, политических, оборонных союзов направлены на то, чтобы укрепить и обустроить евразийское пространство, ясно обозначив присутствие на нём нашей страны. Но если силовой, политической и социально-экономической уровни достаточно ясны, работа по этим направлениям ведётся, то этого нельзя сказать о самом глубоком, культурно-цивилизационном уровне. Как он может мыслиться, каково его место в структуре самосознания российского общества и какую роль он может сыграть в усилении внутренней и внешней политики нашей страны?

В условиях очевидного идейного и идеологического вакуума после 1991 г. в России наметилась и набирает силу крайне тревожная тенденция: сращивание этнического и религиозного в процессе поиска национальной идентичности. В общественном сознании складываются устойчивые отождествления вроде русский=православный, татарин=мусульманин, еврей=иудей, бурят=буддист и т.д. Нарастанию этой тенденции способствует целый ряд факторов, в том числе активность религиозных деятелей, продвигающих политику клерикализации различных сторон жизни общества. Если позволить этой тенденции закрепиться и укорениться, Россия окажется фактически разорвана между несколькими разнонаправленными и разноцентрированными культурно-цивилизационными проектами. Этому ни в коем случае нельзя дать случиться. Вместе с тем отрицать или тем более запрещать конфессиональную самоидентификацию недопустимо. Каков же выход?

Все названные культурно-цивилизационные потоки, вкупе с представителями традиционных

⁴ Первая публикация книги – 1871 г.

⁵ Произнесена на заседании Общества любителей русской словесности 8 июня 1880 г. [8, с. 136–149].

верований народов России, а также теми, кто свободен от религии, могут быть только *собранны*, их нельзя привести к какому-то виду *единства*, если мыслить единство по типу родового, как это обычно делают. В то же время никакая из отдельных идентичностей, никакой из отдельных культурно-цивилизационных потоков не может претендовать на роль “всероссийской идентичности”. Это значит, что российская идентичность не может формироваться через придание общеобязательного статуса какому-либо одному варианту из названных типов *внутрироссийской* идентичности. Нам критически необходимо внеконфессиональное, гуманитарное культурное пространство, построенное на принципах рациональности, которое позволит *собрать все культурные потоки современной России* ради их свободного развития и свободного общения.

В отечественной мысли ещё в начале XIX в. была выдвинута и тщательно проработана категория “всечеловеческое”. Были очень ясно показаны её преимущества в сравнении с категорией “общечеловеческое”. “Всечеловеческое” заявляет нередуцируемость собственной, внутренней логики каждой из культур, составляющих человечество. В отличие от этого, “общечеловеческое” задаёт единый шаблон для всех, от которого нельзя отклоняться и следование которому считается обязательным. Но ведь именно стратегия “общечеловеческого” осуществляется сегодня в рамках так называемой “глобализации”, которая продвигает европейский культурно-цивилизационный проект в качестве безальтернативного и требует редуцировать все формы организации культурной и общественной жизни неевропейских обществ к этой общеобязательной общечеловеческой модели.

В этих условиях совершенно очевидны преимущества модели устройства общества и культуры, опирающейся на категорию “всечеловеческое”. Многие политики сетуют на якобы отсутствие в России “национальной идеи”. Думаю, такая идея есть — в том смысле, что она проявила себя в реальной истории России, где многими веками представители различных культурно-цивилизационных потоков жили вместе. Она есть и в том смысле, что была предложена и разработана отечественными мыслителями. Наконец, она есть и в том смысле, что сегодня как никогда актуальна и востребована как во внутреннем, так и во внешнеполитическом аспекте. Это — идея “всечеловеческого” в очерченном выше её понимании.

Что касается внутреннего измерения, то идея всечеловеческого способна стать действенным средством гармонизации общественного самосознания, органично собрать все культурно-цивилизационные потоки современной России на об-

щегуманитарном внеконфессиональном культурном пространстве, обосновать наше общее “мы”. Тем самым будет достигнута гармонизация общественного сознания России на всех трёх названных уровнях идентичности: локальной, сверхэтнической и общемировой. На внешнеполитическом направлении идея всечеловеческого способна стать основанием мягкой силы России, закладывая надёжный фундамент наших действий и сотрудничества с партнёрами на евразийском и общемировом пространстве в экономической, политической и силовой областях. Концепции, разработанные на основе категории “всечеловеческое”, способны стать действенным ответом на известные теории типа теории столкновения цивилизаций и пр.

Культурно-цивилизационный уровень — глубинный уровень самоорганизации общества, отвечающий за формирование его самосознания. Именно он определяет мировоззренческое и нравственное здоровье общества, обеспечивает увязывание интересов его различных слоёв, понимание общности цели и оправданности общей судьбы, обеспечивает идейный фундамент внешней политики. Во всех этих областях Россия сегодня испытывает серьёзный дефицит идей и фундаментальной проработки. Все названные проблемы нуждаются в глубоком философском осмыслении, они не могут быть решены усилиями только отдельных наук. Философская проработка вопросов самосознания российского общества должна лежать в основе выработки любого документа, определяющего стратегию развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ибсен Г.* Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 4. М.: Искусство, 1958.
2. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1–2. М.: Мысль, 1998.
3. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920.
4. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.
5. <https://ria.ru/20190827/1557952804.html>
6. <https://www.interfax.ru/world/674164>
7. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1895.
8. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Гл. 2. Пушкин (очерк) // Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984.
9. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя на 1880 год // Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984.
10. *Якобсон Р.О.* К характеристике евразийского языкового союза. Париж: Издание евразийцев, 1931.